

ОБЯЗАННОСТИ РЕБЕНКА В РОССИИ И В КИТАЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ ВОСПРИЯТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. С развитием общества в международном и национальном праве все больше внимания уделяется правам и свободам личности. С ростом их защищенности в обществе менялось и отношение к несовершеннолетним (от полностью подчиненного своим родителям объекта, почти вещи, до современного субъекта, защите которого все страны мира уделяют очень много внимания). Еще более наглядно эта тенденция прослеживается на примере обязанностей. Цель работы – на основе рассмотрения исторического развития правового регулирования обязанностей ребенка в России и в Китае проанализировать ход и направление изменения восприятия данной категории населения в обществе.

Материалы и методы. Задачи исследования реализовывались посредством анализа основных нормативных актов, регламентировавших правовое положение детей в России и Китае. Были использованы метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа).

Результаты. Рассмотрено содержание обязанностей несовершеннолетних в российском и китайском праве на каждом этапе их развития, проведено их сопоставление между собой и с западными аналогами, определено направление развития их правового регулирования, выявлены характерные тенденции этого процесса.

Выводы. Анализ этапов изучаемого процесса показал, чем конкретно отличается восточный путь развития анализируемого явления от западного. Изучение российского законодательства привело к заключению о том, что Россия после продолжительного колебания между двумя этими направлениями в завершение выбрала западный путь.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, несовершеннолетний, ребенок, правовой статус, обязанности, Россия, Китай.

Е. А. Kapitonova

CHILD'S DUTIES IN RUSSIA AND CHINA AS AN INDICATOR OF A CHANGING PARADIGM OF RECOGNITION OF UNDER AGE INDIVIDUALS IN THE SOCIETY

Abstract.

Background. With the development of the society in the international and national law more attention is paid to the rights and freedoms of the individual. With the growth of rights protection in the society the attitude towards juveniles has changed (from subjects absolutely subordinate to their parents, almost things, to the modern subjects, protection of which has been of great importance in all countries of the world). Moreover, this trend can be seen clearly by the example of responsibilities. The purpose of the work is to review the historical development of the legal

regulation of the responsibilities of the child in Russia and in China, to analyze the process and direction of changes of perception of this category of population in the society.

Materials and methods. The research objectives were implemented through the analysis of main normative acts regulating the legal position of children in Russia and China. The author used the method of dialectics as a general scientific method of knowledge, which allows to study the phenomena and processes of the surrounding reality in their historical development, as well as private-scientific methods (formally-legal, comparative-legal and the method of system analysis).

Results. The author considered the content of children's responsibilities in the Russian and Chinese law at every stage of their development, their comparison with each other and with the Western ones, determined the direction of development of their legal regulation, and revealed the characteristic tendencies of the process.

Conclusions. The analysis of the stages of the process under investigation has shown, what exactly is the difference between the Eastern way of development of the analyzed phenomena from the Western one. The study of the Russian legislation led to the conclusion that Russia after long fluctuations between these two areas in the end chose the Western way.

Key words: comparative jurisprudence, under age, child, legal status, responsibilities, Russia, China.

В ходе анализа истории правового регулирования конституционных обязанностей детей в России и в мире автором статьи была выявлена интересная тенденция: чем дальше продвигалось в своем развитии общество, чем больше внимания уделялось в нем правам и свободам личности, тем сильнее менялось в этом обществе отношение к несовершеннолетним (от полностью подчиненного своим родителям объекта, почти вещи, до современного субъекта, защите которого все страны мира уделяют очень много внимания). Также было отмечено существенное различие между ходом этих процессов в странах Востока и Запада. Если в западных странах ребенок уже в начале XX в. стал восприниматься как самостоятельный субъект права, подлежащий особой защите, то в странах восточного региона эта тенденция проявилась позднее и гораздо менее ярко. В некоторых государствах несовершеннолетние и поныне остаются в большей степени подчинены своим старшим родственникам до достижения определенного возраста. В этой связи интересным представляется изучение вопроса о том, каково место России в данном противоречии – ближе ли она в этом вопросе к Западу или к Востоку?

Представляется, что тематика статьи отличается определенной новизной и в определении самого подхода к рассмотрению вопроса: изучение отношения к детям в обществе будет осуществляться через призму установления государством их обязанностей, а не прав, правового статуса или чего-то подобного, как это принято в юридической науке. Именно обязанности, как кажется автору, наилучшим образом характеризуют не только положение человека в обществе, но и выработанное в данной среде в конкретный период времени отношение общества к конкретной категории населения, к их возможностям, поведению.

Начнем с определения восточного пути и рассмотрим его на примере Китая. В древневосточном (в том числе древнекитайском) праве не существовало единого понятия «дети» или «несовершеннолетние», а термин «дети», как правило, применялся лишь для того, чтобы обозначить родственную

связь между родителями и их отпрысками. Ребенок на Древнем Востоке однозначно не рассматривался в качестве субъекта права, скорее, он был его объектом. Подтверждением может служить тот факт, что родители имели безусловное право распоряжаться судьбой собственных детей как разновидностью вещей (в Древнем Китае отец мог свободно продавать детей, кроме старшего сына, пользовавшегося рядом преимуществ перед остальными детьми) [1].

В качестве исторически первой обязанности ребенка на Древнем Востоке выступает основанная на нравственных и религиозных нормах обязанность почитания и уважения собственных родителей. В древнекитайском праве, включавшем в себя, помимо законов и обычаев, также пословицы и различные запоминающиеся изречения великих людей и пророков, данная обязанность проявлялась довольно наглядно. Так, Конфуций писал, что основу общественной гармонии и порядка составляет дисциплинированный человек в строгой иерархии семейных отношений, где царят сыновняя почтительность и почитание старших.

Существование обязанности почитания и уважения родителей находит подтверждение также в законодательных установлениях, относящихся к наказаниям за побои и убийство. Повсеместно на Древнем Востоке дети жестоко карались за подобные действия в отношении собственных родителей, последние же, напротив, освобождались от ответственности в случае совершения их в отношении своих детей. Также по древнекитайскому законодательству (Циньское уложение о наказаниях) кража отца у сына не являлась преступлением, ибо этого не допускал более высокий и сильный, чем закон, святой обычай почитания своих предков. При этом донос ребенком на родителя, даже в случае совершения им преступления, жестоко карался, а безнаказанность убийства отцом или матерью собственного сына в случае, если такая смерть явилась следствием нанесения побоев в целях воспитания, сохранялась в этой стране вплоть до XIX в.

Таким образом, в праве Древнего Востока обязанности детей почитать и уважать своих родителей придавалось очень большое значение. Неисполнение предписанной обязанности влекло не только меры принуждения со стороны государства, но и вызывало всеобщее порицание, во многом основанное на религиозных установлениях.

В период Средневековья единого понимания такого субъекта права, как «ребенок» или «несовершеннолетний», по-прежнему не существовало. Дети все также воспринимались в привязке к родителям, а семья оставалась патриархальной. Практически повсеместно устанавливается минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности – 10 лет (исключение составляет более низкий предел в китайском кодексе Танской династии 653 г., предусматривавшем ответственность с семи лет, но зато заменявшем все виды наказаний для лиц моложе 15 лет на откуп – деньгами или физическими работами, размер которого дифференцировался в зависимости от ряда факторов). Подобное единодушие законодателей свидетельствует об определенных сдвигах в восприятии малолетних, придании им специфического статуса. В то же время процесс этот был явно не завершен: в различных нормативных актах по-прежнему встречались указания на ответственность детей за родителей без вины.

Основной обязанностью ребенка в Средневековье по-прежнему оставалась необходимость почитать своих родителей и повиноваться им. Но если в европейских странах обязанность эта постепенно свелась к двум простейшим положениям (необходимости получения согласия родителей на совершение детьми определенных действий и праву родителей просить у короля заключения непокорных детей в тюрьму), то на Востоке действовали гораздо более строгие правила. Так, в Китае действовавший ранее запрет на донос в отношении родителей со временем перерос в запрет доноса на любых старших родственников первой и второй степеней родства под страхом смертной казни. Ужесточилось и уголовное преследование непочтительных детей: по классификации преступных деяний, базировавшейся на конфуцианской философии и получившей название «Десять зол», к числу наиболее тяжких зол, наказанием за которые было удушение, относились «непочтение, непокорность», трактовавшиеся судами расширительно (от ругани в адрес старших родственников и их плохого содержания до раздела имущества без их согласия и ношения в период траура нетраурной одежды). К другой группе зол были отнесены любые «несогласия, разногласия» с кровными старшими родственниками.

Таким образом, в период Средневековья основной обязанностью ребенка на Востоке продолжала оставаться обязанность уважения и почитания собственных родителей, проявлявшаяся в развитых формах, определенных еще в Древнем мире. В то же время несовершеннолетние, несмотря на весьма размытые критерии отнесения к данной общности лиц, постепенно признаются неким специфическим обобщенным субъектом права, что сказывается на регулировании и восприятии их правового статуса в качестве самостоятельного.

В эпоху Нового времени правовое регулирование обязанностей ребенка на Востоке продолжило идти своим путем. В то время как в западных странах правовой статус ребенка окончательно обрел реальные очертания (определены границы наступления совершеннолетия, несовершеннолетний признан субъектом, подлежащим особой защите со стороны государства и общества), в государствах стран Востока ребенок продолжал оставаться полностью бесправным существом, находящимся под полной и беспрекословной властью любого из своих старших родственников. Понятия совершеннолетия и связанного с ним освобождения от родительской власти там не существовало (уход из семьи связывался со вступлением в брак), уголовная ответственность применялась к ребенку в полном объеме с семи лет, убийство отца, матери, деда или бабушки, отчима или мачехи относились к тягчайшим преступлениям, а лишение жизни детей или внуков во многих случаях оставалось безнаказанным и оправдывалось применением необходимых воспитательных мер в виде телесных наказаний.

Кардинальным образом восприятие несовершеннолетних на Востоке изменилось только в Новейшее время, когда в условиях интеграции мирового сообщества после Первой мировой войны в рамках Лиги Наций создается Международная ассоциация заботы о детях, а позже, в 1945 г., и Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). Именно в этот период времени на международном уровне принимаются значимые нормативные акты, участие в которых сильно повлияло на восприятие детей на Востоке, – исторически первая Женевская

декларация прав ребенка 1924 г., заменившая ее Декларация прав ребенка 1959 г. и действующая в настоящее время Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Последовательность создания названных документов достоверно отражает изменение концепции восприятия ребенка на протяжении XX в.: если в Женевской декларации 1924 г. дети рассматривались исключительно как объект защиты, в Декларации 1959 г. уже появляются отдельные положения, свидетельствующие о признании их на международном уровне самостоятельными субъектами права. Конвенция 1989 г., в свою очередь, безоговорочно оценивает ребенка как специального субъекта права и с момента своего принятия окончательно укореняет в современном обществе новую модель отношения к несовершеннолетним – как к самостоятельным носителям прав и обязанностей.

Таким образом, Новейшее время смягчило отцовскую власть даже на Востоке, в том числе в Китае, где она традиционно была очень сильна. Закон о браке 1950 г. объявил об упразднении заключения брака по воле родителей и запретил куплю-продажу невест. Закон о труде установил на предприятиях 4–6-часовой рабочий день для подростков. Данные послабления тем не менее не сказались на общем исполнении обязанности почитания и уважения родителей, по сей день остающейся основной обязанностью ребенка в Китае. В стране до сих пор действует культ предков как альтернатива существующему правовому регулированию, причем он настолько силен, что даже если чей-то отец оказался вором или убийцей, дети по-прежнему обязаны смиренно увещевать отца и просить его вернуться на путь добродетели, но не осуждать его и тем более не выдавать органам правосудия. Также в соответствии с вековыми традициями Китая в уголовном праве этой страны до сих пор действует повышенная уголовная ответственность за любые посягательства на жизнь, здоровье и честь старших родственников. Даже установленное ограничение применения смертной казни к лицам, не достигшим 18 лет, не применяется в отношении детей, совершивших умышленное убийство родственников по прямой восходящей линии.

Теперь рассмотрим для сравнения историческое развитие парадигмы восприятия несовершеннолетних в обществе, формировавшемся на территории современной России.

На первоначальном этапе, в эпоху Древней Руси, оно шло очень схожим с Востоком образом: беспрекословное подчинение через нормы морали и восприятие ребенка исключительно как вещи. Так, понятие «дети» встречается в Русской Правде, однако его упоминание относится к статье о наказании за совершение «беспричинного умышленного убийства» – преступник в этом случае «выдавался князю вместе с женой и детьми на поток и разграбление» (наказание представляло собой ссылку с предварительной конфискацией имущества) [2]. Данная статья, как и правовые акты Древнего мира, свидетельствует о том, что ребенок не просто не признавался субъектом права, он был абсолютно безразличен законодательству, находился в полной личной и имущественной зависимости от главы семьи.

Подобное подчинение жизни ребенка интересам родителей (в особенности отца) базируется в первую очередь на религиозно-нравственных нормах. На Руси сфера нравственности, а вместе с ней и вся сфера семейных отношений являлись предметом регулирования и оценки церкви, определявшей

в том числе и необходимость для детей полностью повиноваться воле родителей, почитать и уважать их как старших и более опытных членов общества. В любых конфликтах между членами семьи церковь неизменно вставала на сторону родителей (так, церковные уставы предусматривали жестокую кару для ребенка, поднявшего руку на кого-либо из родителей, но оставляли безнаказанными аналогичные поступки со стороны старших родственников). Родительская же власть была очень велика: из летописей следует, что родители свободно продавали своих детей, распоряжались их брачной судьбой и даже, до принятия христианства, имели право жизни и смерти в их отношении [3].

Первые общерусские своды законов повлекли некоторые изменения в правовом восприятии детей в русском обществе. Так, Судебник 1497 г. расценил ребенка как специфического участника судебного процесса, предоставив ему возможность нанимать представителя («наймита») для участия вместо себя в судебном поединке. Создатели Судебника 1550 г. пошли еще дальше: в акте впервые законодательно было ограничено право продажи детей родителями, что, по сути, стало первым шагом на пути к ослаблению отцовской власти и снижению влияния на жизнь ребенка его обязанности повиноваться родителям.

В то же время на Руси, в противовес этим изменениям, в регулировании семейной сферы отношений широко применяются нормы церковного (канонического) права и «Домострой», который не был правовым актом в классическом понимании этого термина, а представлял собой, скорее, своеобразный сборник правил, советов и наставлений. Именно «Домострой» впервые нормативно сформулировал на Руси обязанность детей заботиться о своих родителях и повиноваться им во всем: «Любите отца своего и мать свою и послушайте их... и старость, их чтите, и немощ их и скорбь всякую от всея души понесете на своей выи, и благо вам будет, и долголетнии будете на земли» [4]. Одновременно этот документ предусмотрел возможность родителей воздействовать на непослушных детей, прямо разрешая применение строгих наказаний за провинности, вплоть до «биения жезлом и сокрушения ребер», «бо бя его по телу, душу его избавишь от смерти» [4].

Новый этап в правовом регулировании обязанностей ребенка наступил по окончании Смутного времени, с принятием Земским собором в 1649 г. Соборного уложения. Данный нормативный акт впервые установил возрастные цензы, необходимые для совершения человеком тех или иных юридически значимых действий, что может рассматриваться как попытка определения критериев полной дееспособности и, как следствие, совершеннолетия. В то же время законодатель не свел разрозненные правила подобного рода к установлению единой возрастной планки, так что говорить об окончательном признании ребенка в качестве самостоятельного субъекта права еще рано. Так, для норм гражданского права было характерно ограничивать понятие несовершеннолетия пятнадцатью годами – с этого возраста человек получал право принимать на себя кабальные обязательства, а дети служилых людей могли наделяться поместьями. Для приобретения права принимать крестное целование (присягу) в суде требовалось достижение 20 лет. Уголовная ответственность, впервые ограниченная русским законодательством, наступала с семи лет: «...аще отрок седми лет убьет, то неповинен есть смерти» [5].

Основной обязанностью ребенка на этом этапе развития законодательства оставалась обязанность почитания своих родителей и повиновения им. Все вышеприведенные факты достижения ребенком определенного возраста и соответствующего перехода его в некое новое правовое состояние с расширенным набором прав отнюдь не означали действительного изменения его правового положения в отношениях с родителями. При достижении ребенком 15 лет и получении им права самостоятельно отдавать себя в кабалу за родителями также сохранялось право записывать его в кабальное холопство по своему усмотрению. Даже при приобретении полного объема прав в 20-летнем возрасте дети не выходили из-под власти отца, который по-прежнему мог свободно отдавать их «в люди», «в услужение» или насильственно постричь в монахи [6]. Отец также пожизненно сохранял право наказывать своих детей, однако чрезмерные наказания не поощрялись: за убийство ребенка впервые была установлена уголовная ответственность в виде тюремного заключения (впрочем, ответственность эта была все же пониженной, так как за убийство постороннего человека полагалась смертная казнь). Показаниям родителей в суде всегда отдавалось предпочтение: «А будет на суде ответчик пошлется на исцова отца, или на мать, или истец пошлется на ответчикова отца, или на мать, и по тем ссылкам отца и мать допрашивати, а никому отца и матери на суде не отводити, и дело вершить отцовою и матернею скаскою» [7]. Дети же жаловаться на родителей в суде не могли: лишь за попытку подобных действий Соборное уложение предписывало бить таких детей кнутом, после чего отдавать их отцу и матери.

Таким образом, развитие общественного восприятия ребенка на Руси в IX–XVII вв. шло по пути, немного отличающемуся от восточного, но еще в большей степени отличающемуся от западного. Разрозненные правила, подтверждающие наличие обязанности почитания и уважения родителей, постепенно сводятся к ее прямому законодательному закреплению. Как и на Востоке, особенностью реализации этой обязанности выступает тесное переплетение светских правовых норм с нормами религиозной морали.

На следующем этапе развития российского законодательства, в эпоху абсолютной монархии и в дореволюционный период, единого понятия «несовершеннолетний» в праве по-прежнему не существовало, а заменяющий его термин «малолетний» находил различное применение в нормах, относящихся к гражданскому и уголовному праву.

Содержавшие нормы уголовного права Воинский артикул и Морской устав 1716 г. упоминали малолетство как обстоятельство, влияющее на вменение лицу преступления: воры-«младенцы» освобождались от уголовного преследования, но их родителям предписывалось самостоятельно наказывать их розгами. Ситуация несколько изменилась в годы правления Екатерины II: был четко установлен возраст, с которого наступала уголовная ответственность, – 10 лет для представителей всех сословий. Со временем концепция признания ребенка особым субъектом преступления была развита. Указ 1765 г. проводил различия между несовершеннолетними, не достигшими 10-летнего, 15-летнего и 17-летнего возраста, дифференцируя соответствующим образом наказания за преступления, ими совершенные (даже смертная казнь за серьезное преступление могла быть заменена наказанием кнутом, плетью, розгами для детей до 15 лет либо передачей для наказания родителям – детям до 10 лет).

Впоследствии минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности и правила о сниженной ответственности для малолетних еще несколько раз менялись, но неизменным оставалось главное – государство постепенно пришло к оценке ребенка как субъекта, требующего особого внимания и защиты. Тенденция эта была настолько сильна, что в 1892 г. в Санкт-Петербурге был учрежден особый отдел защиты детей, одной из задач которого, помимо деятельности, прямо направленной на выявление и предотвращение фактов жестокого обращения с детьми, являлась подготовка предложений по созданию правовой базы, регулирующей правовое положение несовершеннолетних. Предложения были сформулированы, но облечь их в нормативную форму в связи с революционными событиями не успели.

Иначе и, следует отметить, более четко трактовалось понятие малолетства в Указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» 1714 г. Под малолетним понималось лицо, не имевшее права самостоятельно распоряжаться принадлежащим ему (как правило, перешедшим по наследству) имуществом. Малолетство для наследников недвижимого имущества прекращалось при наступлении 20 лет, для наследников движимого имущества различалось в зависимости от пола – 18 лет для мужчин и 17 лет для женщин.

Подобная формулировка понятия малолетнего представляется более логичной и близкой к современному термину «совершеннолетие», также означающему возможность для лица обрести полную дееспособность и вступать в любые сделки и отношения. В то же время отсутствие в законодательстве эпохи абсолютной монархии и дореволюционного периода единого подхода к оценке верхней планки малолетнего возраста не позволяет говорить о четком выделении ребенка в качестве самостоятельного субъекта права с установленными возрастными пределами.

Основной обязанностью ребенка любого сословия на протяжении всего периода с момента возникновения абсолютизма и до революции 1917 г. оставалась необходимость повиноваться своим родителям. Между тем родительская власть над детьми в этот период была неодинаковой: она то снижалась, то снова ужесточалась.

Так, в эпоху правления Петра I родители, сохранив за собой право беспрепятственно наказывать детей, отправлять их в монастырь или на работу, в то же время утратили возможность самостоятельно определять срок отдачи детей в наем (он впервые был ограничен пятью годами). Также согласно нормативным актам родительская власть над детьми однозначно утрачивалась при достижении ими возраста прекращения малолетства, предусмотренного Указом о единонаследии.

В годы правления Екатерины II был сделан еще один шаг на пути к снижению родительской власти: императрица взамен безграничного права родителей наказывать своих детей в 1775 г. учредила смирительные дома для «трудных» подростков [8]. Подобные заведения, по задумке их создательницы, не ставили перед собой задачи устрашения и наказания непослушного ребенка, а имели целью морально оздоровить его и направить на путь исправления. Идея ограничения родителей в их возможности сурово наказывать своих детей была, однако, реализована не до конца – исключительное право определения «злаго жития», служившего поводом для помещения в подобного рода учреждения, принадлежало родителям.

Об определенном смягчении родительской власти и признании ребенка субъектом, нуждающимся в особой защите, свидетельствуют и положения уголовного права об ответственности за убийства. При Петре I к наиболее тяжким видам убийств впервые было отнесено не только убийство матери или отца, но и убийство младенца. За совершение подобных деяний Воинским артикулом назначался особый вид наказания – колесование.

В годы правления Николая I ситуация изменилась в противоположную сторону. Изданный при нем Свод законов Российской империи закреплял исключительные властные полномочия отца (а после его смерти – матери) над детьми, не ограничиваемые даже достижением ими определенного возраста. Дети обязывались жить при родителях, в силу чего последние могли требовать возвращения детей к себе от всякого лица, их удерживавшего (что по конструкции нормы напоминало порядок истребования вещи из чужого незаконного владения). Также дети прямо обязывались почтительно относиться к родителям, в связи с чем никакие жалобы детей на обиды и оскорбления их со стороны родителей не принимались ни гражданским, ни уголовным судом, за исключением случаев, когда имелась информация о совершении родителями преступлений, предусмотренных уголовным законодательством. Исполнение обязанности повиновения обеспечивалось возможностью применения домашних исправительных мер или тюремного заключения на срок от двух до четырех месяцев по инициативе родителей без судебного рассмотрения.

Для права изучаемой эпохи было характерно отдельное правовое регулирование положения каждого из существующих сословий, поэтому состав обязанностей ребенка в этот период начинает варьироваться в зависимости от класса населения, к которому он принадлежит.

В период правления Петра I в России впервые устанавливается обязанность ребенка получить определенный уровень образования, однако относится она лишь к детям дворянского сословия (с 1714 г. – обязательное начальное обучение в специальных военных и морских школах). В обеспечение исполнения данной обязанности император издал указ о зависимости личных прав дворян от их уровня подготовки. Так, для получения права на вступление в брак, помимо обычного для таких случаев согласия родителей, необходимым стало также подтвердить знание арифметики и геометрии, что фактически было реально только при наличии свидетельства об окончании школы.

Следует отметить, однако, что по завершении правления первого российского императора обязанность детей получать образование постепенно утратила свое значение. Если Екатерина II в своем проекте Уложения (так и не принятом) еще пыталась сохранить обязанность родителей обучать своих детей для представителей дворянства и купечества, то уже Манифест Петра III о вольности дворянской 1762 г. разрешал дворянам проходить обучение на дому, с заметными послаблениями, и отменял обязанность службы и экзаменовки для молодых представителей этого сословия.

Период абсолютной монархии отмечен появлением в России еще одной обязанности ребенка – обязанности выполнять различного рода имущественные обязательства, связанные с наследством. Указ о единонаследии 1714 г. прямо прописывал следующие обязанности главного наследника, которые он должен был исполнять вне зависимости от своего возраста: «Кому по духовной или по первенству достанутся недвижимыя, у того и движимаго имения

части других в сохранении да будут до тех мест, пока его братья и сестры не приспеют возраста своего, мужской до осмнадцати, а женской до семнадцати лет, и в те уреченные лета должен тот наследник их братьей и сестр кормить, и снабдевать, и учить всех грамоте, а мужской пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь» [9]. По достижении остальными наследниками оговоренного возраста главный наследник обязан был выдать им их часть наследства, за вычетом издержек на выполнение своей обязанности по их содержанию и обучению.

По итогам анализа правового регулирования обязанностей ребенка в России в период с XVII в. по начало XX в. можно констатировать, что, хотя законодательство на данном историческом этапе продолжало отстаивать незыблемость родительской власти над детьми, акцент при установлении этой власти постепенно стал смещаться в сторону необходимости обеспечения родителями реализации интересов самих детей. Главной обязанностью ребенка оставалось повиновение собственным родителям, впервые прямо прописанное в Своде Законов Российской империи 1832 г. и выражавшееся в необходимости послушания, почтения, выказываемого до и после смерти родителей, а также в обязанности сносить родительские наказания и получать согласие отца и матери на юридически значимые действия (например, при вступлении в брак), что заведомо уступало по жесткости правилам, действовавшим в то же самое время в странах Востока. Более того, к началу XX в. ребенок в России окончательно был воспринят обществом и государством как специальный субъект права, подлежащий особой защите и обладающий не только обязанностями, но и правами.

Восприятие ребенка в советский период отличается определенными особенностями, вызванными спецификой идеологизации общества того времени. С одной стороны, можно выделить такие, безусловно, позитивные моменты, как четкое законодательное установление верхней возрастной планки пребывания человека в статусе ребенка (понятие «совершеннолетний» применялось отныне исключительно к лицам, достигшим 18-летнего возраста), а также полную отмену всех законодательных положений, касающихся обязанности детей почитать своих родителей и повиноваться им (были упразднены такие институты, как согласие родителей на заключение брака, возможность передачи детей в монастырь или на работу, повышенная уголовная ответственность за отцеубийство). С другой стороны, признание ребенка специальным субъектом права повлекло для него создание новых обязанностей. Будучи рассматриваемыми отныне как полноценные члены советского общества, дети одновременно признавались в большей степени ответственными за происходящее в нем. Так, введение всеобщей трудовой повинности фактически означало появление у ребенка новой, возможно, известной практики и ранее, но никогда законодательно не закреплявшейся обязанности трудиться. Первое проявление данной обязанности можно отнести к Декрету от 31 декабря 1917 г., вводившему обязательную трудовую повинность по очистке железных дорог и улиц городов от снежных заносов для населения в возрасте от 16 до 55 лет, проживающего на расстоянии не далее 10 верст от железной дороги. Развитие этой идеи относится к принятой в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР, провозгласившей в ст. 18 всеобщую трудовую повинность, выражавшуюся в принципе: «Не трудящийся да не ест!». Возрастные преде-

лы применения трудовой повинности были установлены в Кодексе законов о труде, принятом в конце 1918 г.: трудовая повинность распространялась на граждан в возрасте от 16 до 58 лет (для несовершеннолетних при этом устанавливался ряд льготных условий труда, включая запрет на ночные и подземные работы, сокращенное рабочее время). Конституция РСФСР 1925 г. переняла положения, ранее установленные в предыдущем Основном законе страны, и снова признала в ст. 9 труд обязанностью всех граждан Республики. В то же время новый Кодекс законов о труде от 9 ноября 1922 г. в ст. 12 закрепил правило, согласно которому лица, не достигшие 18 лет, обязательно к привлечению к трудовой повинности не подлежали.

Таким образом, особенностью национального правового регулирования в XX в. является установление в первые годы существования советской власти такой неизвестной мировому праву обязанности ребенка, как обязанность трудиться. Распространялась она исключительно на детей в возрасте от 16 до 18 лет и просуществовала недолго – с 1917 по 1922 г.

К концу XX в. в связи интеграцией СССР (а позже – и Российской Федерации) в мировое сообщество и ратификацией всех основных международных документов, касающихся правового статуса детей и их защиты, Россия окончательно вступает на западный путь развития восприятия ребенка в обществе. Дети признаются особым субъектом права, подлежащим особой защите со стороны государства, а их обязанности сводятся лишь к получению обязательного уровня образования и соблюдению установленных законом запретов. Значение родительской власти, по сравнению с законодательством Китая, существенно сокращено, а повышенная уголовная ответственность за причинение вреда родственникам отменена.

Список литературы

1. **Осипян, Б. А.** Процессы взаимодействия обычая и права / Б. А. Осипян // Современное право. – 2006. – № 4. – С. 51–57.
2. История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. / автор-сост. И. Н. Кузнецов. – Мн. : Амалфея, 2000. – 640 с.
3. **Нижник, Н. С.** Правовой статус ребенка в русской семье / Н. С. Нижник // История государства и права. – 2002. – № 4. – С. 5–7.
4. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и ком. В. В. Колесова ; подг. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. – М. : Сов. Россия, 1990. – 304 с.
5. **Корнев, И. В.** Историческое развитие российского законодательства о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними / И. В. Корнев // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 133–140.
6. **Титова, М. И.** К вопросу истории насилия в семье / М. И. Титова // История государства и права. – 2008. – № 9. – С. 9.
7. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – М. : ПРОСПЕКТ, 2004. – 472 с.
8. **Смирнова, Н. В.** К вопросу об истории организации исправительных учреждений для беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних / Н. В. Смирнова // История государства и права. – 2004. – № 1. – С. 23–25.
9. Законодательство Петра I. – М. : Юрид. лит., 1997. – 880 с.

References

1. Osipyan B. A. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2006, no. 4, pp. 51–57.
2. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii v dokumentakh i materialakh. S drevneyshikh vremen po 1930 g.* [History of the state and law of Russia in documents and materials.

- From the ancient times till 1930]. Ed. by I. N. Kuznetsov. Minsk: Amalfeya, 2000, 640 p.
3. Nizhnik N. S. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law]. 2002, no. 4, pp. 5–7.
  4. *Domostroy* [Patriarchal rules of family life]. Moscow: Sov. Rossiya, 1990, 304 p.
  5. Kornev I. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian law]. 2006, no. 1, pp. 133–140.
  6. Titova M. I. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law]. 2008, no. 9, p. 9.
  7. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii: ucheb. posobie* [Reading book on history of the state and law in Russia: tutorial]. Ed. Yu. P. Titov. Moscow: PROSPEKT, 2004, 472 p.
  8. Smirnova N. V. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law]. 2004, no. 1, pp. 23–25.
  9. *Zakonodatel'stvo Petra I* [Legislation of Peter the Great]. Moscow: Yurid. lit., 1997, 880 p.

Капитонова Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: e-Kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of criminal law,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.74

Капитонова, Е. А.

Обязанности ребенка в России и в Китае как показатель изменения парадигмы восприятия несовершеннолетних в обществе / Е. А. Капитонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 39–50.